

Слухи в Древней Руси

Моя Вселенная — это мои глаза и мои уши.
 Все прочее — не более чем слухи.
 (Дуглас Адамс. «Автостопом по галактике»)

Для архаического общества устной коммуникации, каким была Киевская Русь, весьма важным источником информации был пересказ виденного, слышавшегося или же услышанного. Такой пересказ в устной импровизационной практике зачастую и становился слухом¹.

Пересказ состоящий в посредственной передаче известия или предания, получает особенно характерные формы в тех случаях, когда оно становится анонимным «слухом», который распространяется посредством «молвы». Передача «слуха», к которому «толпа» вообще относится с доверием, и многократное его повторение может привести к смешению его с воспоминанием о будто бывшем и породить, наконец, веру в достоверность его содержания, заразительно действующую на большинство, хотя бы такое содержание возросло до чрезвычайных размеров².

В отличие от других создаваемых и транслируемых в том или ином сообществе устных сообщений, слухи представляют собой особый акт общественной коммуникации. Являясь составной частью традиционной культуры, слухи, либо, *толки, молва, разговоры* дискретны в воспроизведении. Тем не менее, вступая во взаимодействие с другими культурными языками эти сведения приобретают дифференциальную общественную значимость³. Питающая их картина мира находит отклик и в пространстве письменного текста.

Значительный интерес в этом отношении представляют известия о Руси, сообщаемые в *Хронике* Титмара Мерзебургского. Часть из них, как считают исследователи, имеет характер слухов. Для понимания их культурного смысла и социального контекста, обратимся к созданному хронистом образу киевского князя Владимира Святославича.

Порицая нечестивые поступки властителя Руси, Титмар Мерзебургский среди прочего называет его «безмерным и жестоким распутником»⁴. Эта характеристика в определенной степени находит соответствие в рассказе *Повести временных лет* о женолюбстве язычника Владимира:

бѣ же Володимерь побѣжень похотью женьскою [...] наложъницъ бѣ оу него . т̄ .
 Вышегородѣ . а . т̄ . в Бѣльгородѣ . а . с̄ . на Берестовѣ . в селци [...] . и бѣ несуть
 блуда привода к собѣ мужьски жены . и двѣцѣ растыла ѿ . бѣ бо женолюбецъ .
 ѿкоже и Соломанъ . бѣ бо рече оу Соломана жень . ѿ . а наложницъ . т̄ .⁵

В этом тексте киевский правитель наделяется такими же пороками, которыми наделяла старозаветная традиция царя Соломона (1 Цар. 11: 1–8). Следует отметить, что тема Соломоновых грехов развивается во многих памятниках средневековой письменности, в частности, в популярной на Руси *Хронике* Георгия Амартола. Описанное византийским хронистом «идолобъснование» и «женобъснование» Соломона отчасти даже текстуально совпадает с соответствующими летописными известиями о языческих пороках Владимира. Соломон у Амартола,

бѣ женолюбець, бяху ему владоуще 700, и наложниц 300 и поять жены от Моавитянь, от Аманитянь, от Соурянь, от Идоумѣянь, от Хетѣань и от языкъ, ихъже отречь от сыновъ Израилевъ⁶.

Развивая тему брачной жизни киевского князя Титмар утверждает, что «вышеназванный король имел повязку на чреслах, чтобы помочь врожденной грешной слабости. Но — добавляет хронист — учитель нашего спасения Христос, когда приказывал, чтобы наши переполненные вредящей невоздержанностью чресла были перевязаны, поучал воздержанию, а не возбуждению»⁷. Это уникальное известие, несомненно далекое от жизненного опыта Владимира, не было, как представляется, плодом воображения немецкого хрониста. В этом высказывании Титмар своеобразно обобщил, бытовавшие среди киевлян толки и пересуды о бурной брачной жизни недавно умершего правителя Руси. Большинству из них писанная история была неизвестна. Воспоминания неграмотных простолюдинов — носителей устной культуры приобретали мифологический характер.

Слухи становятся возможны и функциональны в кризисные моменты в жизни социума. Вспышка какой-то эпидемической болезни, вспыхнувшая в Полоцке в 1092 г., привела к гибели многих людей. Сраженные болезнью, они падали прямо на улицах. Ходили слухи, что мертвые невидимыми летали по улицам и нападали на живых⁸.

Смерть правителя или социальный взрыв, разрушая упорядоченную жизнь архаического общества, некое его равновесие и благополучие отзывается волнами слухов, заполняющими информационные пустоты и зоны нормативной неопределенности. Так, после поражения войск Изяслава, Всеволода и Святослава Ярославичей в битве с половцами в 1068 г., жаждущие реванша «людье Киевстии» неудовлетворенные отказом киевского князя возобновить военные действия, «нача[ша] люди юго корити. (во всех других ранних списках *Повести временных лет* — говорити⁹) на воеводу на Косначька . идоша на гору съ вѣча . и придоша на дворъ Косначковъ»¹⁰. Оброненная кем-то злонамеренная реплика, очевидно, по известному всем участникам веча поводу и завязавшийся разговор о воеводе, как огонек по сухим веткам, быстро перекинулся вокруг и побежал по городу. Печальные последствия этого случая хорошо известны.

Роковую силу слуха и наговора узнали на себе и другие действующие лица древнерусской истории. Одним из наиболее ярких примером тому является история Василька Теробовльського¹¹.

Мотив заговора, возникающих в слухах демонстрирует летописная статья 1161 г. Киевской летописи, повествующая о перипетиях борьбы княжеских кланов за киевский стол.

Том же лѣтѣ посла Ростиславъ къ Стославу река ему пусти ко мнѣ дѣта Волга . ать познаеть Кианты лѣпшиа и Берендичѣ . и Торкы Стославъ же безо всакого извѣта пусти ему . снѣ свои .

Через несколько дней

ѣдушю Волгови ис товарь . на поѣздство . и се оусрѣте и перед ними мужь Ростиславль . и ре^ѣ кнѣже есть ми к тобѣ орудие велико . а извѣсти ми са . яко ти его . не ѣвити никомуже . и извѣстиса ему и ре^ѣ ему кнѣже право ти молвлю . стерезиса хотать та ѣти .¹²

Репутация Ростислава Мстиславича была основательно разрушена специально распространенным порочающим слухом. Обеспокоенный этим предостережением, Олег возвратился к отцу в Чернигов, а затем отправился на княжение в Курск. Воспользовавшись смятением Олега, послы Изяслава Давидовича — главного конкурента Ростислава, склонили Олега «любною рѣчью» примкнуть к возглавляемой Изяславом политической коалиции.

Fama crescit eundo (слухи растут на ходу), говорит древняя латинская поговорка. Они транслировались «мимоходящими» странниками, послами, купцами и гостями для которых, как свидетельствует *Поучение* Мономаха, княжеский дом был всегда открыт. По образному выражению Б.А. Романова, «гость — это тогдашняя пресса. «Мимоходячи» он может «прославить человека» (сделать известным) «по всем землям, любо добрым, любо злым»¹³. Такого происхождения, как свидетельствует Длугош, широкой известности некоего владимирского епископа, который отказался благославлять в поход против поляков галицкого князя Романа Мстиславича, предвидя его поражение:

презрев присланные Романом дары отказался благославлять его в поход против поляков [...] стал весьма известен благодаря славе и молве, будто, предвидя будущее, предсказал князю Роману поражение¹⁴.

В условиях преобладания устной культуры, важнейшим компонентом общественной коммуникации средневековых сообществ была христианская проповедь. Для достижения религиозно-дидактических целей проповедник волей-неволей должен был апеллировать к системе представлений паствы, опираясь на ее жизненные ориентации и верования. В речах проповедников, как представляется, должны были обсуждаться многие жизненные сцены и ситуации, в том числе и сотканые из слухов.

Таким образом, бытовавшие в средневековом обществе слухи и другие, фиксированные человеческим сознанием и рассказом феномены устной традиции находили, пусть фрагментарно и опосредованно, отзвук в письменном тексте. Дальнейшие исследования позволяют составить более полное представление о том, в какой степени устные рассказы наложили отпечаток на изучаемые нами тексты и выявить живущие в слухах, питающие их реалии картины мира Древней Руси.

- 1 В древнерусском языке слово *Слухъ*, собственно и означало некое устное известие — то, что слышано, знание, сведение. См.: Срезневский И.И. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Т. 3. СПб, 1903, 435.
- 2 Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. М., 2010. Т. 2, 362.
- 3 Дубин Б.В. *Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре*. М., 2001, 70–71.
- 4 *Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия (IX — первая половина XII в.)*. Изд. М.Б. Свердлов. М.; Л., 1989, VII: 61, 66.
- 5 *ПСРЛ* 1: 79–80.
- 6 Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*. Текст, исследование и словарь. Том I: Текст. Пг., 1920, 147–148.
- 7 *Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия (IX – первая половина XII в.)*, VII: 62, 67.
- 8 *ПСРЛ* 1 : 214–215.
- 9 *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis*, Ed. Donald Ostrowski [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. Part 2] (Cambridge, Massachusetts, 2003), 13640.
- 10 *ПСРЛ* 1: 171.
- 11 См.: *ПСРЛ* 2: 231–235
- 12 *ПСРЛ* 2: 512.
- 13 Романов Б.А. *Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.)*. Изд. 2-е. М.; Л., 1966, 136.
- 14 Щавелева Н.И. *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоса (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий*. М., 2004, 349.

Владимир Рычка